
РЕЦЕНЗИИ

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 110—115
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.10

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 110—115
ББК 60.542.2
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.10

КОМУ, ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ НУЖНЫ «ГЕНДЕРНЫЕ НОРМЫ...»?

Рец. на кн.: *Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен*. М.: Проспект, 2017. 144 с.

М. А. Кашина

Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru

WHO, WHAT FOR AND WHY ONE NEEDS “GENDER NORMS...”?

Review to: *Klecina T. S., Ioffe E. V. Gender norm as a socio-psychological phenomenon*. Moscow: Prospekt, 2017. 144 p.

M. A. Kashina

North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation, Kashina_soc@inbox.ru

В наше время научная литература редко выходит большими тиражами, поэтому вопрос, вынесенный в заголовок, вполне оправдан. Ответ на него будет следующим. «Гендерные нормы...» нужны всем, потому что они определяют особенности поведения мужчин и женщин. Зная их, можно выстроить более продуктивные отношения с близкими и коллегами по работе. Понимание природы и характера гендерных норм позволяет всем нам избежать множества межличностных и внутриличностных конфликтов, лучше разобраться в себе и определить оптимальную жизненную стратегию.

Успех любой книги по психологии обусловлен простым и понятным желанием людей лучше познать себя и окружающих. Однако гендерной

психологии в этом отношении не очень повезло. Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина в «Гендере для “чайников” — 2» саркастично пишут: «По всей видимости, именно на традиционные взгляды рассчитаны многочисленные пособия “по эксплуатации мужчин” и “эротическому манипулированию”, пособия “как найти богатого мужа”, “по стервологии” и пр. В них признается, что женщинам, чтобы добиться определенных позиций в жизни, нужно, во-первых, использовать самые разнообразные ресурсы — от мудрости и профессионального опыта до способности обольщать, а во-вторых, досконально освоить методику “дрессировки” мужчин и манипуляции ими» [Здравомыслова, Темкина, 2009: 41].

Подобная литература пользуется коммерческим успехом, но имеет очень мало отношения к настоящим исследованиям психологии женщин и мужчин. Рецензируемая монография И. С. Клещиной и Е. В. Иоффе представляет собой счастливое исключение из правил, потому что это сугубо научная работа, основанная на большом количестве данных социологических и психологических исследований, как отечественных, так и зарубежных, и, что самое главное, знакомящая читателя с апробированной и доказавшей свою валидность психологической методикой изучения и оценки этих самых гендерных норм. Читатель в рамках познания себя и своих близких, пользуясь предлагаемыми методиками, может узнать, какими гендерными нормами он руководствуется в своей жизни (текст методик, ключи к оценке результатов и основные направления интерпретации этих результатов — все это представлено в четвертой главе монографии «Психодиагностические методики изучения гендерных норм»). Хотя выводы ему предстоит делать самому.

Для того чтобы читателю было проще понять результаты, авторы начинают свою работу с рассмотрения теоретических основ изучения гендерных норм — содержания понятия «гендерные нормы» и истории их изучения в социальной психологии. Показывается, что только появление гендерного подхода в общественных науках и теория социального конструирования гендера позволили поставить вопрос о научном изучении данного феномена, а также анализируется взаимосвязь понятий «маскулинность»/«фемининность» и гендерных норм.

Прочитав первую главу, даже совсем неподготовленный читатель поймет, что между нормой фемининности и задачей «дрессировки мужчин» существует довольно большая разница, как, впрочем, и между маскулинностью и образом «крутого парня», хотя нельзя утверждать, что здесь вообще нет никакой связи.

Вторая глава монографии посвящена анализу норм мужского поведения традиционалистского и эгалитарного типов. Третья глава рассматривает нормы женского поведения, и тоже обоих типов: традиционалистского и эгалитарного.

На самом деле данная монография полезна не только рядовому читателю, но и научному сообществу, занимающемуся анализом гендерных проблем. Как справедливо отмечают авторы монографии во введении, в отечественной литературе «практически не изучены нормы мужского и женского поведения (гендерные нормы), хотя исследователи нередко обращаются к изучению гендерных стереотипов, гендерных установок, гендерных представлений» [Клещина, Иоффе, 2017: 4—5], но данные социально-психологические характеристики играют существенно меньшую роль в контроле поведения личности в сравнении

с гендерными нормами. Это лишний раз актуализирует проблематику, рассматриваемую в рецензируемой монографии.

Добавлю от себя как социолога. В своих рассуждениях мы довольно часто оперируем понятием «гендерные стереотипы», подразумевая под ними традиционные, патриархатные образы мужских и женских ролей, качеств, типов поведения и т. п. Но мне еще ни разу не встретилось в научной литературе словосочетание «эгалитарный стереотип». Вряд ли это означает, что эгалитарные образы и отношения не могут быть стереотипными, скорее мы не готовы назвать их таковыми. Предлагаемая петербургскими психологами И. С. Клециной и Е. В. Иоффе теоретическая конструкция, включающая в себя четыре вида гендерных норм, не считая огромного количества их индивидуальных вариаций, позволяет приступить к решению этой проблемы. Существование гендерных норм традиционалистского и эгалитарного типов делает возможным развертывание всей совокупности психологической терминологии, связанной с регулированием поведения людей по указанным двум линиям (представления, стереотипы, установки, ожидания и др.). Думается, что это дает хорошую теоретико-методологическую базу для проведения новых исследований и по социальной психологии, и по социологии.

Приведем несколько цитат для того, чтобы охарактеризовать мужские и женские нормы эгалитарного типа. Говорить о традиционалистских нормах смысла нет: они очень хорошо изучены; важнее понять, что означает эгалитарность в гендерных отношениях. Во-первых, «новые или “обновленные” мужчины и женщины демонстрируют новые типы и модели отношений друг с другом, в соответствии с которыми принцип доминирования и главенства в супружеских отношениях сменяется ориентациями на партнерство и паритет» [там же: 45]. Во-вторых, «компетентность мужчин в сфере межличностных отношений в семье, и в частности в детско-родительских отношениях, выступает важной составляющей модернизированной модели маскулинности» [там же: 53]. В-третьих, «менее жесткая модель новой, модернизированной маскулинности, на которую ориентируются в своем поведении современные мужчины, позволяет мужчинам проявлять больше гибкости и вариативности в своем поведении, что улучшает их психологическое самочувствие» [там же]. В-четвертых, «эгалитарные нормы женского поведения представляют собой не столько антипод традиционалистских норм, сколько свободу от эталонной модели фемининности и такое сочетание маскулинных и фемининных характеристик и качеств, которое способствует самореализации личности» [там же: 78].

При этом «по сравнению с женщинами, мужчины менее ориентированы на эгалитарные нормы поведения и более зависимы от традиционной модели маскулинности. Они ощущают на себе выраженное давление норм полоспецифичного поведения, поэтому они в большей мере, чем женщины, стремятся им соответствовать. Поведение женщин более индивидуализировано и менее зависимо от норм полоспецифичного поведения» [там же: 78—79].

Я бы позволила себе сделать более широкое обобщение: если для женщин переход к эгалитарным нормам поведения является побегом из «добровольного рабства в “уютном концлагере” семейной жизни» (Б. Фридан), то куда придут мужчины в результате этого перехода, для многих из них не очевидно. Такая

черта эгалитарной маскулинности, как большая вовлеченность в семейные дела и воспитание детей, является желаемым типом поведения пока еще для очень ограниченного круга российских мужчин, хотя число этих мужчин в последние годы, безусловно, растет.

Теперь несколько слов о самом интересном — об авторских методиках исследования гендерных норм. Опросник «Нормы мужского поведения» включает 39 утверждений. Теоретическая модель опросника репрезентирует взгляды традиционной маскулинной идеологии, в соответствии с которыми «стандарт» мужского поведения можно описать через пять ролевых норм: 1) способность к проявлению физической и эмоциональной силы, жесткости, твердости; 2) ориентацию на автономию и опору на собственные силы в принятии и реализации решений; 3) ориентацию на профессиональную самореализацию и достижение высокого материального положения; 4) ориентацию в поведении на «настоящих» мужчин; 5) принятие обезличенной сексуальности. Содержание этих норм отражено в пяти субшкалах опросника. В соответствии со значениями итоговой суммарной шкалы определяется приверженность к традиционалистскому, смешанному или эгалитарному типу гендерных норм.

Опросник «Нормы женского поведения» включает утверждения, через которые раскрывается система убеждений и установок по поводу поведения женщин как исполнительниц социальных ролей. Содержание этих норм отражено в следующих субшкалах опросника: 1) установка на замужество и материнство, 2) стремление быть хорошей хозяйкой, 3) значимость привлекательной внешности, 4) готовность заботиться о семье и близких людях, 4) мягкость, чувствительность, 5) зависимость/самодостаточность в отношениях с мужчинами. Итоговая суммарная шкала — «Приверженность традиционалистской модели феминности». Преобладание консервативных или современных взглядов на нормы женского поведения позволяет определить приверженность традиционалистской или эгалитарной модели феминности.

Как отмечают авторы монографии, «эти методики расширяют возможности сравнительного анализа ценностно-нормативной системы представителей разных поколений, этносов, субкультур по уровню приверженности нормативной модели традиционной маскулинности или феминности и по распространенности приверженности эгалитарному и смешанному типам гендерных норм» [там же: 130]. С этим утверждением нельзя не согласиться.

Добавлю от себя, что данная монография продолжает целый ряд научных работ и учебно-практических пособий по гендерной психологии, подготовленных авторами при участии их коллег. Одна из самых известных книг — это «Практикум по гендерной психологии», выдержавший уже два издания (2003 и 2009 г.) и вышедший общим тиражом в 5,5 тыс. экземпляров [Практикум..., 2003; Гендерная психология, 2009]. Цель этого практикума, как и монографии «Гендерные нормы как социально-психологический феномен», состоит в гендерном просвещении жителей нашей страны, формировании у них гендерной компетентности. На самом деле очень горько сознавать, что «предубеждения против женщин-лидеров оборачиваются для них недостатком власти и заставляют прибегать к таким защитным стратегиям, как сверхфункциональное на работе (женщины больше времени проводят на рабочем месте по сравнению

с мужчинами); использование специфически женских способов деловых переговоров с мужчинами (кокетство, лесть, принижение своих способностей), чтобы заставить мужчин работать; применение “маски”: женщины скрывают свою эмоциональную и личную жизнь, избегая говорить о детях, чтобы не получить ярлык менее эффективного работника». Авторы, как и многие исследователи, считают, что такое поведение может составлять угрозу психическому здоровью женщин [Клецина, Иоффе, 2017: 86].

И. С. Клецина и Е. В. Иоффе анализируют в своей работе три типа гендерных внутриличностных конфликтов женщин: ролевой конфликт работающей женщины, конфликт боязни успеха, экзистенциально-гендерный конфликт. Последний представляется наиболее серьезным, поскольку нарушение привычного хода жизни, дезорганизация или даже невозможность обычной жизнедеятельности «требуют от женщины переосмысления своей жизни и ее наиболее существенных составляющих, переоценки своих жизненных целей, отношений с окружающими, образа жизни, т. е. трансформации старых и формирования новых нормативных образцов гендерного поведения» [там же: 74—75]. И далеко не всем женщинам удастся выйти из этого конфликта конструктивно.

Говоря о кризисе традиционной маскулинности, авторы отмечают, что «если рассматривать приверженность эгалитарным нормам мужского поведения с позиции возможностей для поддержания психологического благополучия личности, то здесь предоставляется более широкий репертуар возможных проявлений, который позволяет выбрать мужчине ту стратегию поведения, какую он считает наиболее соответствующей своим личностным особенностям» [там же: 52].

Другими словами, распространение в обществе эгалитарных норм позволяет более успешно преодолевать внутриличностные конфликты как мужчинам, так и женщинам, улучшает их психологическое самочувствие.

В заключение обычно требуется сказать о недостатках и о перспективах работы в избранном направлении. Но сначала о достоинствах. Рецензируемая монография написана хорошим научным языком, изложение материала логично и структурировано, авторам в полном объеме удалось достичь поставленных целей. Что касается недостатков, я бы отметила их в четвертой главе. В целом монография, как уже говорилось, ориентирована на широкого читателя и решает, в числе прочих, задачу гендерного просвещения. Однако ряд сюжетов четвертой главы, связанных с проверкой валидности методик, мерами центральной тенденции и квартилями на разных выборках, доступен для понимания только специалистам. Этот материал был бы очень органичен в специализированном журнале по психологии, где его оценили бы по достоинству; в монографии, адресованной всем интересующимся гендерными проблемами, он представляется излишним.

Теперь о перспективах. Авторы их уже наметили в своем заключении, но я думаю, было бы крайне актуальным изучение динамики гендерных норм у разных поселенческих, профессиональных, этнических и религиозных групп населения. Это особенно важно в условиях продолжающегося в России «патриархатного ренессанса» (А. Посадская).

Библиографический список

- Гендерная психология: практикум / под ред. И. С. Клециной. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Ушел ли в прошлое патриархат? Специфическая власть «слабого пола» // Гендер для «чайников» — 2: сборник статей / отв. ред. и сост. И. Н. Тартаковская. М.: Звенья, 2009. С. 25—41.
- Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: М.: Проспект, 2017. 144 с.
- Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2003. 480 с.

References

- Kletsina, I. S. (ed.) (2003) *Praktikum po gendernoĭ psikhologii* [Gender psychology practicum], St. Petersburg: Piter.
- Kletsina, I. S. (ed.) (2009) *Gendernaia psikhologĭia: Praktikum* [Gender psychology: Practicum], St. Petersburg: Piter.
- Kletsina, I. S., Ioffe, E. V. (2017) *Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskĭ fenomen* [Gender norms as socio-psychological phenomenon], Moscow: Prospekt.
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (2009) Ushel li v proshloe patriarkhat? Spetsificheskaiia vlast' "slabogo pola" [Has the patriarchy become a thing of the past? Specific power of the "weak sex"], in: Gender dlia "chaĭnikov" — 2: Sbornik stateĭ, Moscow: Zven'ia, pp. 25—41.

Материал поступил 10.05.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Кашина Марина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Social Technologies, North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation).